

## «Я СМОЛОДУ ПРЕДЧУВСТВОВАЛ, ЧТО ЯВЛЯЮСЬ “ФРУКТОМ ИЛИ ОВОЩЕМ ПОЗДНЕГО СОЗРЕВАНИЯ”»

Мне посчастливилось работать в разных журналистских коллективах с очень талантливыми яркими личностями. Один из них – журналист и писатель Валерий Федорович Михайлов, в конце 90-х годов прошлого столетия и в начале 2000-х – заместитель главного редактора и главный редактор республиканской газеты «Казахстанская правда».

Валерий Михайлов – известный казахстанский поэт, автор около двадцати стихотворных сборников, изданных в Алматы и Москве, среди которых «Весть» («Жазушы», 1994), «Золотая дремота» («Жибек Жоль», 2005), «Тысячелетие другое» («Жазушы», 2008), «Дымящийся свиток» («Молодая гвардия», 2015) и другие. Его стихи переведены на ряд европейских и азиатских языков, включены во многие антологии поэзии. В 2003–2016 годах он работал главным редактором журнала «Простор».

...Мне запомнился его искрометный юмор, благодаря которому разряжалась накаленная аура на рабочих планерках, снижался градус спора между коллегами, и просто поднималось настроение. Помню, как часто, озадачив меня, тогда еще начинающего журналиста, очередным редакционным заданием или же замечанием по поводу моей статьи, он завершал разговор обаятельной улыбкой и какой-нибудь шуткой.

Как раз в то время, а на дворе стояли лихие 90-е, свет увидела его публицистическая повесть-эссе «Хроника великого джута», которая стала ярким событием в литературной жизни страны. Кстати, эта книга до сих пор хранится в моей библиотеке с автографом автора. Когда я начала составлять список для рубрики «Личность» в газете «Литер», одним из первых вписала своего экс-главного редактора и позвонила ему. Валерий Федорович, внимательно выслушав меня, согласился ответить на вопросы.

### «ПОЭЗИЯ – ЭТО СОСТОЯНИЕ ДУШИ»

**– Вы – выпускник геофизического факультета Казахского политехнического института, более сорока лет работавший в печати Казахстана. Почему Вы когда-то выбрали политех?**

– Не раз мне приходилось слышать: почему после политеха ты вдруг оказался в газете? Наскучив другим и себе объяснениями, стал отвечать коротко: ошибка при распределении. Будь моя воля, учился бы по году-другому в разных институтах – языкам, словесности, истории и т. д. Помнится, в юности прочел «Над пропастью во ржи» и от души завидовал старшему брату Холдина Колфилда – «писателю Д. Б.», который постигал влекущие его предметы именно таким способом.

Моим любимым с детства занятием было чтение. Лет с четырнадцати-пятнадцати, вслед за прозой, увлекся еще и поэзией. Появились собственные стихи, и мальчишеская мечта о футболе сменилась другой, осознанной – стать поэтом. Но я понимал: для этого прежде всего нужен дар, а есть ли он у меня, понять не мог, были лишь смутные предчувствия... Поэзия, если чему и подвластна, то таинственной по природе стихии. Стихи приходят и уходят не спрашиваясь. Это не ремесло, не профессия, это скорее состояние души. Без них жить невозможно – но на них существовать нельзя.

В десятом классе пришлось вплотную задуматься о выборе будущей профессии. Я искал ту, где было бы посвободней – «для себя», для стихов. Сосед по

парте расписывал прелести геологоразведки. Романтика дальних дорог, исследований, открытий... А мне уже попадались в магазинах тонкие сборники поэтов-геологов: вот надо же, как-то совмещают люди одно с другим. В те годы конкурс в политех был в несколько раз больше, чем в университет или в другие институты. Я поступил. Но вместо учебы нас отправили на два месяца в Туркестан собирать хлопок...

Все пять лет с апреля по сентябрь мы проводили «в поле» – на учебных и производственных практиках. Пожил и поработал в разных местах Казахстана: это и Алматинская область, и Рудный Алтай, и Каратау, и джезказганские степи, и актюбинская полупустыня. Были еще и двухмесячные военные сборы в Ашхабаде... В институте я убедился, насколько сложна и рутинна геофизика, «личного времени» почти не оставляет. Тогда и вспомнил про журналистику.

**– В своих стихах Вы писали о Караганде, стоящей на костях заключенных, и пустоте прорытых угольных шахт, о своих дедах – спецпереселенцах. Расскажите подробнее о своем роде.**

– Все мои деды и прадеды – русские крестьяне. Отцовская родня жила на Белгородчине, рядом с границей Украины; материнская – в заволжской Саратовской степи. Сеяли хлеб, держали домашний скот: семьи были большие.

Но вот пришла коллективизация, попросту – раскулачка, и моих дедов, Прокофия Ивановича и Ивана Федоровича, объявили кулаками, «эксплуаторами», хотя никаких батраков никто из них никогда не имел. Так они с семьями, вместе с десятками тысяч других российских крестьян, в самом начале 1930-х годов оказались в Караганде. Впрочем, города еще не было – полдюжины «спецпоселков» со «спецкомендатурами». Фактически вчера свободные земледельцы оказались если не подконвойными, то под постоянным приглядом, экаками. Бескрайняя степь, бежать некуда. Вот этот, регулярно обновляемый из-за большой смертности, «контингент» и построил «ударными темпами» Третью всесоюзную кочегарку, которая в Великую Отечественную войну вместе с Кузбассом давала стране угля.

«Раскулачка» унесла, по будничному признанию товарища Сталина, 10 миллионов человек. А ведь это были, большей частью, «середняки» – цвет тогдашнего крестьянства. Порой думал: не будь коллективизации, как бы встретились на земле мои будущие отец и мать? Ведь они жили за тысячу верст друг от друга...

Да, в жизни я пошел поначалу «по стопам отца». Он смолоду работал в областной газете «Социалистическая Караганда». Начинал рабкором, печатал заметки и стихи, был молодым карагандинским поэтом. Поступив в редакцию, писал статьи, фельетоны, очерки, владел всеми газетными жанрами, даже портреты знатных шахтеров рисовал. В последние наши карагандинские годы занимал должность ответсекретаря. Позже, в Алма-Ате, у него вышла очерковая книга «Горячий камень» – про историю угольной «кочегарки».

Отец был, благодаря таланту и харизме, прирожденный редактор. Недавно пятнадцать лет (рекорд!), при Кунаеве возглавлял «Казахстанскую правду». Спустя два десятилетия я тоже недолго исполнял эту должность – но куда мне было как редактору до отца! Впрочем, и газета стала уже другой... Однако, когда в молодости меня, представляя кому-нибудь, называли «сын Федора Прокофьевича...», я всегда добавлял: «...и – Капитолины Ивановны», потому что мама была для меня не менее замечательным человеком.

А дедушки мои, Прокофий и Иван (с первым я прожил в одном доме все детство, а со вторым виделся редко), были честные, добрые и справедливые люди. Разные характерами, но по человеческой сути очень схожие один с другим. Если говорить коротко, теперь таких людей нет.

## «О ВЕЛИКОЙ ТРАГЕДИИ КАЗАХСКОГО НАРОДА УЗНАЛ ИЗ БЕСЕД СО СТЕПНЯКАМИ»

– Мне запомнилось, как Вы использовали пословицы и поговорки на казахском языке. Как часто Вы обращаетесь к казахскому языку? Читаете ли Вы на нем книги?

– Я рос в городе, где общим языком был русский. В школе, класса с пятого, вместе с русским языком начали изучать – вернее, «проходить» – английский и казахский. Однако в быту никакой необходимости говорить по-английски или по-казахски не было. Уроки редкие, часов на них отводилось мало. Да и уровень преподавания казахского!.. Помню, работал уже в редакции «Ленсмены», и в дни дежурства по номеру в типографии, ожидая сигнальные «полосы» завтрашней газеты (их надо было отвезти на дом редактору), слушал один и тот же шутливый рассказ нашего водителя Ивана, как его в школе учили казахскому: «Балалар, алма ал! – степенно произносил учитель. И далее пояснял: – Это-о есть: парнешка, яблочко возьми-и-и!» Вот и всё, что усвоил Иван на уроках. Я, кажется, и того меньше...

А вот мой отец десятилетним подростком попал в Майкудуке, под Карагандой, в казахскую, смешанную с русской, языковую среду, подружился с аульными сверстниками – и вскоре слету, без всяких учебников, чисто заговорил по-казахски. Позже преподавал в сельской школе казахский язык, наряду с другими предметами. Потом, перейдя в областную газету, переводил для ее страниц – и отнюдь не по подстрочникам – айтысы карагандинских акынов. Правда, отец был куда как способнее меня к языкам: с детства прекрасно говорил по-украински.

Книг дома, в Караганде, было читать не перечитать, но к четвертому классу я проглотил чуть ли не все и записался в городскую детскую библиотеку. А когда переехали в 1956 году в Алма-Ату, стал читателем знаменитой детской библиотеки имени Крылова, расположенной на Пугасовом мосту в бывшем купеческом доме, на полпути в мою 33-ю школу. Раз в неделю обменивал там в абонементе увесистую стопку прочитанных книг на новую.

Казахскую словесность знал тогда только по переводам – в основном по смешным и мудрым сказкам про Алдара-Косе и Шигайбая. В тесной времянке, что мы тогда снимали, был репродуктор. Каждый день звучали песни Куляш Байсеитовой, Жамал Омаровой, кюи Курмангазы, среди которых особенно нравился один – «Сары-Арка». Позже услышал мелодичные и глубокие песни Абая, потрясающее песенное народное сказание «Елимай» (его текст, уже взрослым, нашел и переписал себе на память). Впоследствии прочел немало казахских писателей, разумеется, в переводе на русский. Больше всего ценю «Слова назидания» Абая и его лирику, романы Мухтара Ауэзова и Жусипбека Аймаутова, рассказы Акима Тарази. За изучение казахского языка брался не сколько раз, но по занятости не довел до «кондиции»...

Музыка доходит до сердца и без языка, а вот стихи по-настоящему можно постичь только в подлиннике. Поэзия непереводаима. Я понял это в годы студенчества после основательных уроков французского, сравнив лирику классиков – Вийона, Бодлера, Верлена, Превьера и других с переводами на русский. Поэзия – это дух, дыхание, неповторимое единство созвучий и смыслов, которое невозможно вполне передать на другом языке. Прочел довольно много стихов и прозы по-французски, но никогда и в голову не приходило стать литературным переводчиком, особенно стихов: по мне, это лишь портить оригинал. Впрочем, было одно исключение: драматическая поэма Иранбека Оразбаева «Заклятие Коркута» («Қорқыттың көрі»), – но это не столько лирика, сколько развернутая в драму философско-публицистическая притча в стихах, и пред-

варительно мы с автором внимательнейшим образом «прошлись» по всему тексту подлинника.

Пословицы и поговорки всегда казались мне осколками забытых песен и легенд, крупницами золота, намытыми потоком времен. Вот почему, слыша от кого-нибудь новый образец народного красноречия («Өнер алды – кызыл тіл»), я просил произнести это еще раз для меня, а то и записать, чтобы лучше запомнилось. Пролистывал и сборники казахских пословиц, хотя далеко не всё там понимал даже с помощью словаря. Одно из любимых изречений – «Қайғысыз кара суға семіреді» («Беспечальный жиреет от простой воды»): тут и мудрый совет, и добродушная улыбка, и сарказм. Вообще, по моим сравнениям, казахские поговорки и пословицы – меткие, прямые, порой соленые, но неизменно мудрые – значительно разнообразнее, богаче и остроумнее французских и английских. Народное творчество казахов, основа письменной литературы, отличается исключительным богатством: героический эпос, лирические легенды, жоктау-плачи.

Что касается чтения на языке подлинника, то мне довелось, с помощью переводчика, прочесть лишь одно произведение – «Қыз Жібек», в его полном варианте: там бездна поэзии и ума, родниковый язык и пронзительные по силе чувств эпизоды.

– **Ваша публицистическая повесть-эссе «Великий джут» – о голодоморе в казахской степи в 20-30-х годах прошлого столетия. Как себя чувствовали, пропуская через себя те страшные события?**

– Меня всегда возмущало и оскорбляло любое насилие над человеком – тем более смертоубийственное, над целыми народами.

Взрослые тщательно скрывали от нас то, что происходило в Казахстане в начале 1930-х годов, когда погибло множество казахов и русских спецпереселенцев, сосланных в Казахстан. Например, такая страшная участь выпала одной из моих бабушек (по отцу) и ее младшим детям. Мои будущие отец и мать чудом выжили.

Я сам узнал про массовый голод будучи студентом-геологом, а позже молодым журналистом. Я объездил чуть ли не весь Казахстан, и постепенно, из бесед со степняками, понял еще отчетливей, какую великую трагедию испытал тогда казахский народ. И об этом десятилетиями не было информации. Например, даже слово «спецпереселенцы» было под запретом... Хотелось понять, что же произошло в стране на самом деле? Когда учился в Москве, читал в спецхранах Ленинской библиотеки историческую литературу и периодику – на русском и французском. Позже прочел четырехтомную «Историю СССР» Ж. Эллиенштейна на французском, присланную московским «одноклассником» из Лиона. Старался постигнуть тайны произошедшего по художественным произведениям крестьянских детей – русских писателей-«почвенников».

Сначала у меня появились (еще за десять лет до «Джута») стихи на эту тему, разумеется, «непроходные» для печати. Потом захотел написать роман, но в конце концов остановился на жанре документальной прозы. Так что созревание идеи книги и овладение «материалом» происходило довольно долго. А вот написана книга была относительно быстро. Помогло то, что в 1987 году меня приняли в Союз писателей СССР, я тут же ушел на «вольные хлеба» – и, имея небольшой запас средств, смог всё свое время отдавать литературной работе.

...А про чувства во время всего этого – что говорить! Понятно, какие чувства... Кстати сказать, с десятков лет тому назад в издательстве «Мектеп» у меня вышла основанная на документах и воспоминаниях книга «Тополиная ветка, или Восвояси» – о судьбе русских спецпереселенцев в Караганде в начале 1930-х: там, наряду с другими, есть и личная семейная история – дедов

и родителей, и мои стихи, связанные с лихой годиною. Это издание – как бы другая трагическая ипостась «Великого джута».

### «МОЯ НАСТОЯЩАЯ МУЗА – ЭТО ПОЭЗИЯ»

– К Вашему 80-летию готовится сборник «Неразглашенное время». Почему Вы назвали свою новую книгу именно так? По каким критериям отбирались в него Ваши творения?

– Года два-три рукопись пылилась где-то в «инстанциях», а потом получила ход. Узнав об этом, я добавил в нее новые стихи. Прежде, в разные годы, у меня выходило по паре «Избранных», в Алма-Ате и в Москве. Новое издание будет самым полным. Первое стихотворение в нем датируется 1963 годом, последнее – прошлым, 2025-м.

Известно, поэзия отнюдь не дает ответ на загадки бытия, поэзия – скорее вопрос. Много ли можно до конца понять в краткой человеческой жизни? Всё ли осмыслено и разгадано самим человечеством? Помню, прямо за моей первой школой в Караганде (сейчас это центр города) сразу открывалась степь, и однажды я зашагал вперед, стараясь дойти до края, а его всё не было и не было. Так и в жизни – за горизонтом открывается новый горизонт, за одной разгаданной тайной – новая тайна. Может быть, поэтому книга и названа – «Неразглашенное время».

Критерий отбора стихов один – наличие в произведении той самой не определимой словом субстанции, которая называется поэзией. Ранних стихов в книге не так много, в основном – зрелого возраста. Говорят, после тридцати лет писать стихи уже неприлично, однако я смолodu предчувствовал, что являюсь «фруктом или овощем позднего созревания». В русской поэзии бывали случаи, когда поэты до самых преклонных лет писали прекрасные стихи: Державин, Тютчев, Вяземский. Да вот и наш современник, мой товарищ «по цеху» Тимур Зульфикаров, хорошо пишет до сих пор, – а он старше меня на десять лет...

– Поэты – натуры ранимые, умеющие ценить прекрасное, воспевающие красоту в любом проявлении. Какое место в Вашем творчестве занимает любовная лирика? Часто ли влюблялись? Кто Ваша Муза?

– Вы, наверное, имеете ввиду любовь к прекрасному полу? Да, кое-что есть. Хотя до кумира читательниц, «певца любви» Асадова, мне, конечно, очень и очень далеко. Насчет того, как часто я влюблялся, хотел бы повторить – то ли серьезные, то ли в шутку – строки одного русского поэта, под которыми готов подписаться: *...И не одну любил я беззаветно, / Хотя и на лету, – но глубоко.*

А вот что касается Музы, в чем-то одном человеческом лице, ее нет. Лирическая героиня в моих стихах – собирательный образ. Пожалуй, по-настоящему моя Муза – русская поэзия, или вообще – Поэзия.

– Очень часто в ваших стихах главный герой поэтического сюжета – одинокая душа...

– Не нами это заведено: человек появляется на свет один и покидает этот мир в одиночку. Взять, как оно происходит по течению времени: в молодости жизнь центростремительна, а в зрелости и тем более в старости – центробежна. Народная мудрость гласит: чужая душа потемки, – а стало быть, человек, по определению, обречен на одиночество. Он и сам вполне не знает себя, и ведом – только Богу. В то же время мы отнюдь не «одиночки», поскольку окруже-



ны людьми, *душами* живых и уже отошедших, всех, кого ты любил, ненавидел или же к кому был равнодушен.

Являясь радостью, Божьим даром, жизнь, по сути своей, – испытание. Но в стихах есть один секрет: словно точной формулой выражая тот или иной душевный недуг, они разрешают – избывают его, и невольно становится легче дышать и жить дальше. Об этом их свойстве некогда замечательно написал друг Пушкина, поэт Евгений Баратынский: *Болящий дух врачует песнопенье. / Гармонии таинственная власть / Тяжелое искупит заблужденье / И укротит бунтующую страсть. / Душа певца, согласно излитая, / Разрешена от всех своих скорбей; / И чистоту поэзия святая / И мир отдаст причастнице своей.*

– **Вы автор книги, посвященной духовной биографии русского поэта Михаила Лермонтова. Чем именно близки Вам его творчество и биография?**

– Кроме книги о Лермонтове, у меня вышли (в серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия») жизнеописания Баратынского, Заболоцкого, издавались пространные эссе о Павле Васильеве, Юрии Кузнецове и кое-что другое в этом духе. Упоминаю сие только для того, чтобы сказать: это лишь малая дань моей благодарности и любви, которую испытываю к творцам русской и мировой словесности.

Лермонтов – один из самых любимых моих поэтов, его стихи «Выхожу один я на дорогу...», «Когда волнуется желтеющая нива...» и некоторые другие – одни из самых обожаемых мною стихов. «Героя нашего времени» могу перечитывать без конца, на какой странице ни откроешь – обязательно прочтешь до корки, да еще и вернешься к началу... Лермонтов близок мне прежде всего безоглядной искренностью и глубиной постижения земного и небесного...

– **Легко ли совмещать работу в печатных СМИ и лирику?**

– Не знаю, как у кого, а у меня поначалу работа в газете поставила крест на стихах. Студентом в политехе сочинял много, а перешел в журналистику – как отрезало. (Лишь позже понял: лирике необходима полная свобода для самовыражения, а газета – это те или иные рамки). К тому же, оглядев свои ранние стихи «критическим оком», увидел: музыки много, а вот содержания – маловато. И решил: поэта из меня не получится. Но потом, через несколько лет, стихи вдруг пробились сами, как трава сквозь треснувший асфальт – и я осознал: настоящие! Это случилось годам к тридцати. И, когда стихи победили газету, я ушел в литературный журнал.

– **В Вашем творчестве и жизни большое место занимает вера, тема духовности, религиозной составляющей нашей жизни и бытия. Каким был Ваш путь к Богу?**

– Ваш вопрос – крайне интимный, мне не хотелось бы отвечать на него, да и точного ответа я всё равно не знаю. Могу сказать лишь одно: я крестился в православную веру, когда мне было уже за сорок...

У Николая Заболоцкого был друг – поэт Александр Введенский, а у того – стихотворение под названием «Кругом возможно Бог». Вот, в самом этом названии и есть поистине верный ответ.

*Жанна ОЙШЫБАЕВА,  
г. Астана*